Моя мелкая

АВЕЛИНА НОРТВУД

LIKE BOOK

Первая глава любви

Авелина Нортвуд

Моя мелкая

«Эксмо»
2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нортвуд А.

Моя мелкая / А. Нортвуд — «Эксмо», 2026 — (Первая глава любви)

ISBN 978-5-04-256421-5

Дерзкий и максимально откровенный роман о том, как не сломаться под лавиной публичного унижения в школе и найти защиту и спасительную любовь в лице лучшего друга брата. Искренняя и эмоциональная история с тропами «лучший друг старшего брата», «разница в возрасте», «защитник». Для меня он всегда был просто «Волком» — молчаливым мотоциклистом и лучшим другом брата. Раньше моя жизнь вращалась вокруг репетиций в танцевальной студии, споров с мамой и планов на выпускной. Однако после того, как в школьный чат слили видео, не предназначенное для чужих глаз, я стала изгоем. Единственный, кто не отвернулся от меня — Кирилл Волков. Он стал моим воздухом, спасением и самой большой ошибкой. Кирилл защищает меня с жестокостью, которая одновременно пугает и притягивает. Он смотрит на меня так, будто я — единственная, кто имеет значение. Только вот между нами всегда был Антон — мой старший брат и лучший друг Кирилла. Для него я все еще «мелкая», которую нужно оберегать от таких, как Волк. Мы знали, что это плохая идея и рано или поздно брат все узнает. Но когда Кирилл целует меня, весь мир перестает существовать — и мне все равно, какую цену придется за это заплатить. Иллюстрация на обложке lavenderqueen.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-256421-5

© Нортвуд А., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1 7
Глава 2 21
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Авелина Нортвуд
Моя мелкая

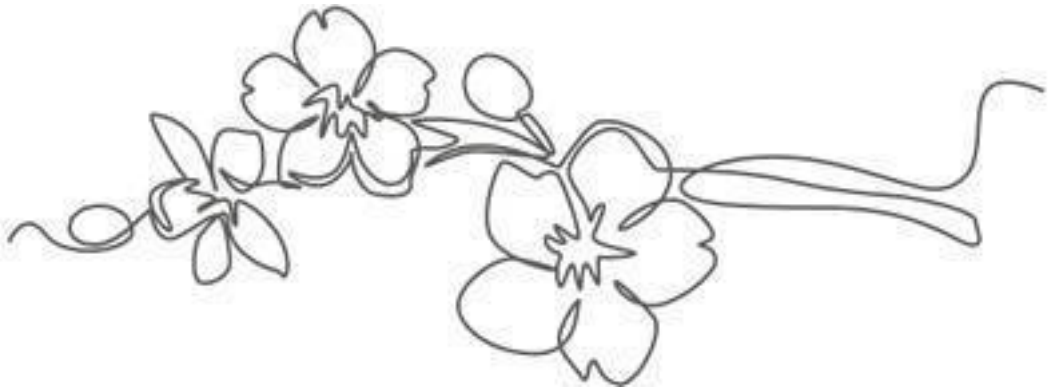
© Авелина Нортвуд, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Всем, кто ищет свое место в мире и боится не найти его.
Пусть эта история напомнит, что ваш путь принадлежит только вам.

Глава 1
«Нормально»

Даша

Просыпаюсь от запаха кофе… и чего-то горелого. Где-то грохочет посуда, а из кухни раздается бодрый, подозрительно веселый голос:

– Подъем, мелочь!

Я с ненавистью к миру и людям натягиваю одеяло на голову.

– Пять минут… – бурчу в подушку.

– Знаю я твои «пять минут». Можно успеть состариться, – ухмыляется Антон и бесцеремонно вваливается в мою комнату, размахивая кружкой. – Лови.

Я вздыхаю, капитулирую, отбрасываю одеяло и сажусь. Делаю маленький глоток. Черный кофе, молоко, немного сахара – идеально.

– Ты заботишься или издеваешься? – спрашиваю, ставя кружку на тумбочку.

– Одно другому не мешает, – бросает он через плечо и растворяется за дверью.

Потягиваюсь, подхожу к зеркалу и быстро собираю свои каштановые волосы в косу «рыбий хвост». На выходе из комнаты задеваю мизинцем стул, шиплю сквозь зубы и остаток пути до ванной прыгаю на одной ноге.

– Ты чего там? – выглядывает Антон, лениво облокотившись о дверной косяк.

– Ничего, жива, – огрызаюсь.

В ванной обхожусь стандартным утренним минимумом: чищу зубы, умываюсь холодной водой, наношу бальзам для губ и подкрашиваю ресницы коричневой тушью. Этого вполне достаточно. Кожа в порядке, только веснушки на носу и щеках, но они не настолько меня напрягают, чтобы обмазываться тональником.

Уже в комнате, натянув снятые со спинки стула широкие темно-синие джинсы с высокой посадкой и облегающий черный кроп-топ, я набрасываю поверх оверсайз-рубашку в крупную сине-зеленую клетку.

Когда захожу на кухню, то Антон уже сидит за столом, уткнувшись в телефон. На тарелке наш фирменный завтрак: пригоревшая яичница.

– Опять сгорела? – спрашиваю, садясь напротив.

– Так и задумано, – бурчит он, не отрываясь от экрана.

Закатываю глаза.

– Мог бы и не вставать. Я уже не ребенок.

– Ага, не ребенок. Без меня опять бы опоздала, – фыркает он, а потом вдруг прищуривается и бросает: – Какие планы после школы?

– Не знаю… может, сразу домой, – небрежно отвечаю, делая вид, что мне плевать.

– Домой? Правда? – поднимает бровь. Потом – серьезно, уже без улыбки: – Мелкая, если собралась на вписку к этому Степану – даже не думай. Я в курсе, что там творится.

Сердце екает, но я не подаю виду:

– У него день рождения… весь класс идет.

– Пусть хоть весь город. А ты – нет, – отрезает он и наконец убирает телефон, смотрит прямо на меня.

Где-то внутри одновременно раздражение и… тепло, черт бы его побрал.

Он становится мягче:

– Не надо тебе туда. Серьезно. Просто поверь мне.

– Антон… – начинаю, но не знаю, что сказать.

А он уже встает, хватает ключи.

– Все, собирайся. Подброшу.

– У тебя же первая пара только в обед…

– И что?

Я ухмыляюсь и, отправив в рот кусочек яичницы, выглядываю в прихожую. Брат уже натягивает куртку и тянется за рюкзаком, тем, что для зала.

– Давай-давай шевелись, – голос легкий, почти веселый. – Или потопаешь пешком.

И в этот момент я понимаю: как же он меня бесит и как же сильно я его люблю.

* * *

До школы я, спасибо Антону, успеваю впритык. В холле сразу начинаю крутить головой – ищу Маринку. Сегодня она в кислотно-зеленом худи, с серьгами-бабочками размером с ладонь, короткие светлые волосы торчат во все стороны. Настоящий праздник. До сих пор не понимаю, как мы вообще сдружились… но теперь без нее день не день.

Она замечает меня, моментально подлетает и цепляется за рукав:

– Ты чат открывала? Нет? И слава богу. Не открывай.

Я закатываю глаза:

– Опять Старовойтов?

Маринка мгновенно приближается, понижая голос почти до театрального шепота:

– Не-е, Каринка. Эта дурочка решила устроить шоу. Сама знаешь… она «влюблена в него с пятого класса», – пальцы в воздухе рисуют кавычки. – И короче, там такое… я тебе реально советую не лезть.

Я фыркаю, в голосе сарказм:

– Пф-ф, да пусть хоть целуются у всех на виду, мне вообще фиолетово, – вру на автомате, а сама уже думаю, как только останусь одна – первым делом полезу в этот гребаный чат.

Маринка довольно хмыкает:

– Вот и правильно. И вообще – не будем сливать день на этих идиотов. Лучше скажи: мы же вечером идем к Степке?

Я тут же тяжело вздыхаю, поджимаю губы и отрицательно качаю головой.

– Брат?

– Угадала, – усмехаюсь. – Как-то пронюхал… сказал, что мне там делать нечего.

Маринка фыркает:

– Слушай, Евсеева, он тебе брат или надзиратель?

Я на секунду зависаю, потом пожимаю плечами:

– И то и другое.

Маринка смеется первой, я – за ней. Так смеясь, мы и заходим в класс. Я падаю за свою парту, вторая в среднем ряду, Маринка плюхается рядом, мгновенно разваливается и продолжает:

– Ну серьезно, ты обязана пойти! В прошлый раз было топ. Пусть твой брат займется своей личной жизнью, а не твоей.

Я прыскаю:

– Да когда ему? Универ, работа…

Она прищуривается и дерзко:

– Ой да ладно, прям совсем не развлекается. Не верю.

Я думаю:

– Ну вообще-то… развлекается.

– Ну вот! – довольно кивает она. – Все, значит, и тебе можно. Справедливо.

Пока мы болтаем, в класс тихо заходит математик – высокий, неуклюжий, в вечно мятом пиджаке. Он поправляет очки и смотрит на класс сверху вниз, но тут же понимает – все его игнорируют.

– Так… расселись все быстро, – неуверенно говорит он.

– Щас-щас, – лениво машет Толик и продолжает сидеть на парте, рассказывая Максу, что надо брать на вписку к Стасу.

– Звонок уже был, если что, – напоминает математик, но все только переглядываются.

Он делает еще пару попыток, пока не достает главный аргумент:

– Хорошо… значит, начнем с контрольной.

Все моментально рассаживаются, осознав, что пора сидеть смирно. Маринка шепчет, смеясь:

– Магия слова «контрольная», смотри.

Я открываю тетрадь, записываю пример, но Маринка не отстает, снова наклоняется ко мне:

– А если у матери отпроситься?

Я тихо смеюсь:

– Ты рехнулась? Ты знаешь мою маму. Она мне вообще недавно заявила – «может, танцы бросишь, больше время на учебу останется».

– Евсеева! – внезапно громко окликает меня математик. Он зависает прямо рядом с моей партой, смотрит поверх очков.

Я моментально изображаю бурную деятельность:

– Еще решаю, Антон Владимирович, – отвечаю ангельским голосом.

Он фыркает и уходит дальше. Маринка тут же снова склоняется, прикрываясь учебником:

– Ну и?

Я пожимаю плечами:

– Антошка встал горой. Сказал: пусть танцует. А мама его слушает.

Маринка хмыкает и многозначительно:

– Вообще-то это мило.

Я делаю вид, что сосредоточена на задаче, но все равно чувствую – внутри стало чуть теплее.

* * *

После уроков хотелось только одного – свалить. Толик с Маринкой, пока мы шли вниз, без остановки что-то трещали про эту вписку, а у меня в голове крутился чат…

Залезла в него сразу после математики, закрывшись в туалете. Ну вот зачем я вообще туда полезла? Настроение – в ноль за три секунды.

«*Она ему не дает спокойно жить…»*

«Опять ему названивала…»

Серьезно? Я? Названивала? Да я, блин, даже взгляд отвожу, если он мимо идет. Он у меня в черном списке везде, где только можно. Как же меня угораздило связаться с этим идиотом…

Ладно, красивый – окей. Спортивный, харизматичный – ну да. Эти его улыбочки, шуточки, от которых девчонки прям млеют…

Ему же все верят на слово. Если Матвей сказал, что я за ним бегаю – значит, так и есть. Школа же идеальна в этом плане: всем пофиг на правду. Он же звезда. Поэтому он – «бедный Матвей», а я – «прилипчивая бывшая».

Эти сплетни с февраля тянутся, не могу от них отмыться. Думала, летом все утихнет – ага, как бы не так. Только хуже стало. Особенно после того, как он неделю назад подошел и такой: «Может, в кино сходим?» А я ему: «Ты дебил, если думаешь, что я вообще с тобой разговаривать буду». И он тут же, специально громко, на весь коридор: «Да отстань уже от меня, Евсеева, достала!» Так обидно было, чуть не разревелась на месте.

А ведь встречались мы всего два месяца – два, мать его, месяца! Кино, пара поцелуев… я поняла, что не мое, аккуратно сказала – он кивнул. А теперь я якобы бегаю за ним.

Про меня теперь шепчутся на каждом углу:

«Это та, что за Матвеем бегает».

«Он ее бросил – потому что она его душила».

Господи, как же это бесит, потому что я по жизни совсем не такая. Я, наоборот, держу дистанцию, никогда ни к кому не лезу. Только с Маринкой могу расслабиться.

А теперь я – «прилипчивая Даша». И смеются уже даже те, кто и имени моего не знал до этого.

Выхожу на улицу – и сразу чуть полегче, свежий воздух все-таки. Антон за мной не приехал – отлично, пойду пешком, проветрю голову. Иду и думаю только об одном: пусть дома никого не будет. Мама точно на работе, у нее еще и ночное, Антон вроде говорил, что занят. Хочу просто завалиться на кровать и выдохнуть. Отключиться. Побыть одна.

Но стоит мне завернуть к подъезду, как я сразу вижу каву[1] Кирилла. Автоматически закатываю глаза и вздыхаю. Подхожу к лифту, и только тогда до меня доходит:

«Блин, если он тут – значит…»

Лифт, как всегда, едет медленно, трещит и дергается на каждом этаже. Пока он ползет, я, конечно же, снова разблокирую телефон и лезу в чат. Смотрю, перечитываю весь этот бред, а пальцы дрожат – хочется с размаху швырнуть телефон в стену. Сжимаю его так, что суставы белеют, и тихо, почти шепотом, в пустоту:

– Плевать… Плевать… Плевать…

Хотя на самом деле – вообще не плевать.

* * *

Открываю дверь. Ну конечно, кто бы сомневался. Прямо с порога вижу забитую чужими куртками вешалку. У стены свалены кроссовки, на полке лежит шлем. Из комнаты доносятся громкий смех, чьи-то вопли, клацанье геймпада и ор телика.

Просто шик. План «побыть одной» отменяется.

И самое смешное: друзья у брата не какие-то там задроты, а нормальные пацаны – спортивные, симпатичные, взрослые, лет по двадцать. Только ведут себя как пятнадцатилетние.

[1] Ка́ва – сленговое название спортивных мотоциклов японской марки Kawasaki.

Вместо того чтобы сидеть в баре и пить пиво, как все их ровесники, они оккупируют нашу квартиру и рубятся в приставку. Ну нет у них, что ли, своих квартир?

Ладно, вру, обычно тут не толпа, а только Кирилл, но все равно.

Разуваюсь, злюсь на всех сразу и думаю:

«Ну да, конечно, младшей сестре фиг, а не вечеринка, а сам тут устроил общежитие для взрослых мальчиков. Спасибо, братец».

Вообще даже идти дальше не хочется – так хочу просто остаться одна. Но стоит мне пройти вглубь квартиры, как из комнаты сразу раздается голос Антона:

– О, Мелкая пришла! Еда на кухне!

– А че там? – отзываюсь, скидывая рюкзак в коридоре.

– Картошка, котлеты, салат какой-то, – перечисляет он, даже не отрываясь от своего геймпада.

Помыв руки, захожу на кухню и оцениваю масштабы бедствия. Ну и бардак: везде крошки, тарелки грязные, банка с салатом прямо на столе. Картошка уже холодная, котлеты тоже, но пахнет вкусно – аж слюнки текут.

Беру эту дурацкую банку, пытаюсь открыть, но у крышки на этот счет другие планы. Кручу-верчу, стучу об стол – не идет.

И тут вдруг за спиной:

– Давай я.

От неожиданности я аж подпрыгиваю, едва не выронив банку. Резко оборачиваюсь и натыкаюсь на Кирилла – он будто из воздуха материализовался. Белый лонгслив, рукава закатаны, чуть мятый, но все равно смотрится классно. Подмечаю его жилистые руки и какие-то шрамы на пальцах. Он забирает у меня салат и в одно движение, вообще без усилий, срывает упрямую крышку.

Из комнаты снова орет Антон:

– Волк! Че ты там застрял?

Кирилл спокойно:

– Держи, Мелкая.

Возвращает мне банку, хватает с полки пачку чипсов – и уходит.

– Не называй меня мелкой! – выпаливаю ему в спину, но он даже не оборачивается.

Вот вечно для Антона я «мелкая». И теперь Кирилл туда же… Бесит.

И что самое тупое – почему-то, когда Кирилл это сказал, стало обиднее в два раза. Как будто… не знаю. Как будто мне вдруг не нравится, что он считает меня просто «мелкой».

* * *

Просыпаюсь под мерзкий треск будильника. Глаза – опухшие, красные. Ну да, полночи же ревела в подушку, убеждая себя, что мне *вообще плевать* на Матвея. А внутри все противно. И дело даже не в нем – в этих долбаных слухах. Всегда же была «милая хорошая девочка», а теперь – почти главная ржака школы.

Принюхиваюсь… Странно. Брат не вломился, кофе не принес, подгоревшей яичницей не воняет. Что за подвох? Неужели проспал?

Вылезаю из кровати, даже не смотря в зеркало – пижамные штаны с зайцами, майка на бретельках, волосы торчат в разные стороны. Как есть, топаю в комнату брата.

Открываю дверь – и… картина маслом:

В комнате душно, шторы задернуты. Антон отрубился на диване, а на полу, на матрасе – Кирилл. Лежит на животе, руки под головой, темноволосая макушка. Ну конечно. Всю ночь, небось, играли, а теперь дрыхнут и на пары забьют. А мне, значит: «Дашка, на вписку не пойдешь», «не опаздывай», «не дай бог оценку плохую принесешь».

Бесит.

Разворачиваюсь, чтобы уйти, но тут вдруг что-то тянет за щиколотку. Сердце уходит в пятки. Смотрю вниз, а там рука. Поднимаю глаза – Кирилл. Все так же развалился на матрасе, но теперь смотрит снизу-вверх, чуть прищурившись. Голос сонный, хрипловатый:

– Мелкая… Который час?

Я осторожно делаю шаг, чтобы он убрал руку, и в таком же сонном тоне отвечаю:

– Если сейчас встанете – успеете к первой.

Он лениво кивает, зарывается лицом в подушку, а я выскальзываю в коридор и спешно прикрываю за собой дверь.

Блин.

Как я вообще забыла, что Кирилл наверняка останется ночевать? И в таком виде туда заявилась… Ладно, пофиг, это их проблемы. Это мой дом, хожу как хочу.

Ворча про себя, быстро скачу в ванну. Принимаю душ, делаю минимальный макияж, а волосы перехватываю резинкой в высокий хвост. Натягиваю любимые широкие темно-серые джинсы и мягкое худи нежно-лилового цвета.

На кухне ставлю кофе, думаю о своем, когда слышу скрип двери и вижу, как в проем просовывается Кирилл. Он довольно высокий, худощавый, но подкачанный. Волосы темные, чуть вьются, вечно растрепанные. Смотрит устало, в одной руке шлем.

– Мелкая… Я погнал. Брата разбуди, у меня не вышло.

– А у меня, значит, выйдет? – бурчу я, но про себя улыбаюсь. Знаю, как тяжело поднимать Антона, если он реально вырубился.

Кирилл заходит на кухню, протягивает руку, берет мою кружку, делает глоток прямо из нее – и спокойно возвращает ее мне в руки. Потом как ни в чем не бывало уходит, на ходу кинув:

– Пока.

Стою, смотрю ему вслед – и ощущение такое, что меня слегка выкинули из своей же квартиры. Ну класс. Брат и его друзья оформили мой дом в общежитие. Спасибо, ребятки.

* * *

До школы добираюсь на автобусе. Брата будить не стала – из принципа. Пусть проспит, пусть мама его сама растолкает и наорет. Антоша же у нас всегда «молодец», а я – «разочарование».

И танцы мои ей как заноза. Думает, что если брошу, то времени на учебу станет больше. Постоянно мне говорит: *«Смотри, чтобы не быть потом как я»*. Я понимаю ее, наверное… но все равно злюсь. Потому что я – не она.

С этими мыслями захожу в холл школы – и сразу понимаю: что-то не так.

Тишина… Не обычная утренняя гулкая суета, а вот эта странная тишина, когда все вокруг мгновенно замолкают, стоит тебе переступить порог.

Глаза цепляются за Маринку – ярко-розовый свитшот, волосы небрежно торчат, привычная… моя. Машу ей рукой, но подруга не отвечает на приветствие. Вместо этого она быстро подходит ко мне, хватает за плечи, разворачивает и буквально толкает к лестнице.

В этот момент сердце проваливается в живот. Я уже знаю – случилось что-то плохое.

– Евсеева… слушай… – начинает она, но голос какой-то неправильный, слишком осторожный.

– Говори сразу, – перебиваю. Не могу терпеть.

– Это просто слухи… Понимаешь? Они поговорят и забудут.

– Что за слухи, Марин?

– Да все из-за этого придурка… – Она вздыхает и смотрит в пол, потом быстро выпаливает: – На вписке у Стаса вчера… Все там выпили… Мот сказал, что ты фотки ему шлешь… с фейкового аккаунта… Ну и что… лайкала его везде… И что перед ним на колени вставала…

В ушах начинает звенеть. Выдыхаю – вроде ничего страшного… слухи. Но Маринка воровато оглядывается по сторонам и переходит на едва различимый шепот:

– Он фотки всем показывал. Якобы твои. Ну… в белье. Лица не видно. Но телосложение… похоже. В общем, это все разлетелось уже.

Меня обдает холодной волной.

– Какие фотки, Марин? – шепчу в панике. – Ты же знаешь, я ему ничего не слала. Ничего. И даже… блин, мы же почти и не встречались! Пара поцелуев, и все.

– Я знаю, – Маринка сочувственно кивает. – Но… ты же понимаешь. Всматриваться никто не будет. Там уже вовсю мемы клепают.

И в этот момент слышу за спиной:

– О-о-о, Евсеева пришла! Наконец-то!

Кто-то громко свистит.

– Слышь, Дашка! За мной побегаешь, а? Я не хуже Мота.

Чувствую, как дергается подбородок, а в носу противно щиплет от подступающих слез, но держусь.

– Эй, Евсеева, – доносится еще один голос откуда-то сзади, наигранно вкрадчивый. – Мне есть что тебе предложить…

Вокруг разлетаются смешки – негромкие, но я слышу каждый. Парни переглядываются и хохочут, уткнувшись в свои телефоны.

И последней каплей становится удар. Кто-то прицельно и нагло шлепает меня по заднице.

Коридор взрывается свистом.

– Зачетная попка! – выкрикивает голос позади. – Знал я, что наша тихоня безотказная.

Все. Конец. Я даже не помню, как дернулась, как рванула к гардеробу – осталось только это странное ощущение в груди, будто не могу вдохнуть. Нахожу свою кожанку почти вслепую и трясущимися руками натягиваю ее на ходу.

Слышу, как Маринка зовет меня, просит подождать, но не останавливаюсь. Вырываюсь на свежий воздух и пытаюсь сделать хотя бы один полноценный вдох. Внутри разрастается обида.

Почему я? Почему им можно вот так? Почему никто не скажет «стоп»? Почему все молчат, хотя знают, что это неправда?

Кирилл

Дома все как обычно: запах старой штукатурки, сырости, тряпок. Мать где-то в комнате – телевизор орет, она либо спит, либо просто лежит. Я даже не проверяю. Мы почти не разговариваем. «Привет», «все нормально», «денег хватит». Вот и весь наш диалог.

На кухне – кружка со вчерашним кофе, рядом валяется открытая пачка дошика. Завтракать не хочется. Просто беру свою куртку, проверяю: ключи, телефон, шлем в руку, черный рюкзак на плечо.

У двери на секунду замираю:

– Ма, я поехал.

Ответа нет – только телевизор бубнит.

Привычно.

Во дворе стоит литровый мотоцикл. Чистый, ухоженный – единственное, что в моей жизни реально в порядке. Проверяю его на автомате – все ок. Вспоминаю, что пакет с пустыми бутылками под раковиной так и не вынес. Ладно, подождет. Накидываю рюкзак. Шлем наде-

ваю не сразу – жду, пока прохладный воздух зацепит лицо. Поворачиваю ключ. Пока мигает приборка, выпрямляю мот, плотно сжимаю бак коленями и пинком убираю подножку. Стоит почувствовать на себе этот вес, как внутри все успокаивается. Натягиваю плотные кожаные перчатки и напоследок окидываю взглядом серый, унылый двор. Жму кнопку стартера – мотор отзывается любимым басовитым рыком, пропуская знакомую дрожь прямо в ладони. Отпускаю сцепление и медленно выкатываюсь.

В центре останавливаюсь у магазина. Захожу, покупаю по-быстрому блокнот, пару тетрадей, карандаш. Все дешевое, но нормальное. Мне большего и не надо.

Выходя, сразу заталкиваю все это в рюкзак, застегиваю молнию. В голове – мысли про дела: сервис, поехать сразу или сначала заскочить на заправку… Поворачиваю голову в сторону сквера и вижу ее.

Лавка возле ограждения, рядом дорога – люди толпами ходят, машины гудят, все куда-то спешат. А она сидит. Маленькая, сгорбилась, капюшон натянут, плечи дергаются.

Дашка.

Тохина мелкая.

Я бы не подумал – их дом на другом конце города, что она вообще здесь забыла?

Сидит одна и плачет. Беззвучно, но так, что даже в этой суете ясно: ей по-настоящему плохо.

Она меня не видит, не замечает – и не заметит, улица шумная, мимо сплошным потоком идут люди, которым ни до кого нет дела. А я просто застываю на месте, гипнотизируя ее взглядом, и в голове сразу же вспыхивает мысль: «Не лезь. У тебя свои дела. Ты и так уже опаздываешь».

Делаю шаг в сторону. Потом еще. Ноги сами несут к моту. Надеваю шлем, опускаю визор, мотор взрывается подо мной. Но внутри все скручено в узел.

Она же тут явно не просто так сидит. Что-то случилось. Одна, в этом чертовом сквере в центре.

И я мог бы подойти. Сказать хоть что-то. Узнать, что с ней. Но вместо этого я просто уезжаю. Делаю вид, что не заметил. Дебил.

* * *

Работа сегодня затянулась: ремонт, люди – один за другим. Усталость для меня штука привычная, но к концу дня все равно жестко кроет. Еще и мысли все время возвращаются к той сцене в центре. В универ сегодня не поехал, ну его – деньги сейчас нужнее.

Когда наконец выбираюсь из душного гаража, вечерний город уже остывший, обдает приятным прохладным воздухом. Прислоняюсь к моту и достаю телефон. Лениво листаю ленту, но все равно думаю о ней. А потом вспоминаю: Тоха ведь когда-то давал мне ее номер. На всякий случай, если вдруг придется откуда-то ее забирать. Тогда не пригодилось, а номер остался.

Тянет написать – и я пишу. Без лишних слов, так, как есть.

Кирилл:

эй. все ок?

Тут же думаю: она вообще узнает, кто я?

Даша:

…
а кто это?

Улыбаюсь – предсказуемо.

Кирилл:

Кирилл, я тебя сегодня видел
я не про утро
днем, в сквере

Отправляю и сразу чувствую: странно это все. Зачем я пишу? Но уже написал.

Даша:

аа понятно

Сухо. Такая же колючая в сообщениях, как и в жизни.

Кирилл:

ты плакала

Пальцы на кнопках останавливаются на секунду, но не стираю. Пусть прямо.

Даша:

немного
бывает

«Бывает». Ну да.

Кирилл:

выглядело не как «немного»

Молчит, отвечает коротко – как будто защищается.

Даша:

ну
я ж не знала, что кто-то палит

Лучшая защита – нападение. Ладно.

Кирилл:

я не придираюсь
просто – все ок?

Ожидаю привычное «все норм», конечно же.

Даша:

да
все норм

Угу…
Кирилл:

мелкая, ты плохо врешь

Пишу – и почти вижу, как она на другом конце закатывает глаза.

Даша:

все норм
ты же Антону не сказал?

Антон. Если боится сказать брату, значит точно не норм. Ладно.
Кирилл:

не успел

Честно же. «Не успел», а не «не скажу».

Даша:

не говори, ладно?

Вдох. Пауза.
Кирилл:

ок
но тогда расскажи мне

Даю шанс – пусть скажет сама.

Даша:

да ничего
реально

«Ничего». Ага.

Кирилл:

мелкая, я не тупой
сейчас наберу Тохе

Угрожаю.

Даша:

зачем?? тебе заняться нечем?

Давай злись, колючка, только расскажи.

Кирилл:

вдруг это серьезно
так что или говоришь мне – или брату

Четко. Без вариантов.

Даша:

Кирилл…

Пауза. Она почти сдается. Жду. Молчит.

Кирилл:

ладно, по-другому
тебя кто-то обидел?

Пальцы на экране чуть дрожат. Честно, готов на любое дерьмо сейчас.

Даша:

в смысле
конечно нет
что за бред
просто… мне плохо, ок?

«Плохо». Ну наконец-то хоть что-то.

Кирилл:

плохо из-за чего?

Даша:

не знаю
чувак просто взял и
неважно
забей

Забей? Не получится.

Кирилл:

какой чувак?

И уже догадываюсь.

Даша:

бывший парень

Вот он, источник проблемы.

Кирилл:

что он сделал?

Даша:

фигню придумал
всем разнес

Пальцы сами пишут дальше:

Кирилл:

что за фигню?

Ответа нет. Секунды тянутся.

Кирилл:

Даша?

Жду.

Даша:

что я типа за ним бегаю
что лайкаю его фотки с фейка
короче – бред

Уверен, это не все, но ладно.

Кирилл:

подожди… ты че, реально с фейка лайкала?

Дурацкая попытка пошутить.

Даша:

ты серьезно сейчас?..

Кирилл:

ладно-ладно
сорян
пытался пошутить
неудачно

Смотрю в экран, потом – на тротуар.

Даша:

просто теперь на меня смотрят,
как будто я сумасшедшая

Боюсь даже предположить, что на самом деле у нее происходит. Понятно же, что это не все. Или можно реально реветь из-за фейковых лайков? Может, для девчонок это в порядке вещей, откуда мне знать?

Кирилл:

Тоха в курсе?

Пишу – хотя уже знаю ответ.

Даша:

нет
и не будет
не говори, пожалуйста
он первым делом врежет ему,
а потом подумает
а мне еще учиться с ним

Да. Она права. Тоха разговаривать не будет.
Кирилл:

не скажу

Даша:

спасибо

Смотрю на экран – маленькое «спасибо». Но весит оно много.

Кирилл:

давай я разберусь

Отправляю.

Даша:

ты что?? зачем тебе это?

Кирилл:

сестра лучшего друга – это почти как своя
так вроде работает

Улыбаюсь.

Даша:

ты кринж

Так и есть.

Кирилл:

в курсе
ну так че?

Даша:

нет, конечно
не надо
я сама справлюсь

Читаю это и понимаю: врет. Сама – ни черта не справится. Но пишет так, чтобы я больше не лез.

Кирилл:

угу
верю

Отправляю и убираю телефон в карман. Беру шлем. Справится ли? Теперь эта история сидит у меня в голове.

* * *

Дорога на какое-то время гасит мысли – километры серого асфальта, шум ветра в шлеме, светофоры, чужие лица.

Родной двор встречает облупленными стенами и запахом плесени в подъезде. Плечи наливаются усталостью. Домой не хочу, но у Тохи сегодня мать не на работе, так что зависнуть у него не вариант.

Вставляю ключ, но понимаю, что не заперто. Догадываюсь почему и толкаю дверь ногой. Сразу понимаю: пьяная.

Пахнет плохо – смесь перегара и чего-то кислого. Телевизор орет – какая-то дурацкая передача. Прохожу в комнату и вижу на диване мать. Волосы спутаны, халат соскользнул с плеча. На табуретке пустая бутылка, рядом пульт, пепельница и какие-то таблетки. Не глядя, смахиваю их в сторону. Я не удивляюсь. Это не первый раз, не второй и даже не десятый.

Она приоткрывает глаза – мутные, красные, взгляд скользит, потом цепляется за меня.

– Пришел… – пьяный голос, тянущийся, как липкая лента. – Кирюша… сынок…

Улыбается как-то криво.

Я не отвечаю. Еще пару секунд стою, потом разворачиваюсь, иду на кухню. Грязная посуда в раковине, липкая столешница. Утром, наверное, было то же самое, но именно сейчас это особенно бесит.

Сжимаю пальцы в кулаки и смотрю в одну точку. Дышу медленно, иначе – сорвет крышу. Пару лет назад я бы уже швырнул что-нибудь или ушел, хлопнув дверью. Сейчас – нет. Сейчас все иначе.

Вспышка идет по телу, как ток. Внутри все взрывается, но снаружи – тишина. Периферийным зрением ловлю край стены – угол, где когда-то была вмятина от *его* кулака. Мать закрыла полкой, но я все равно вижу ее и вспоминаю, как гудело в ушах, как она сидела на полу в ванной, вся в крови. А я тогда был ниже раковины. Наверное.

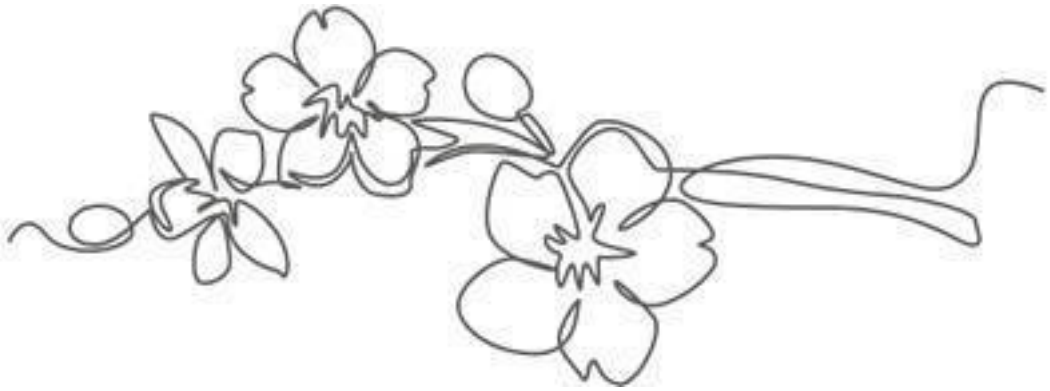
Глотаю воздух. Если сейчас не выдохну – ударю. Стол, стену, воздух – что-то. Но нет. Не ударю.

Беру стакан. Наливаю себе воды, опираюсь локтями о стол. Пью залпом. Мелкая врет, что справится. Справлялась, не сидела бы в слезах в сквере, прогуливая школу. Я вот тоже всю жизнь говорю, что справлюсь. Может, все-таки сказать Тохе?

В голове вертится фраза из нашей переписки:

«Сестра лучшего друга – это почти как своя». Но даже своим помогать, похоже, я не умею. Умею только смотреть и молчать. И проходить мимо.

Глава 2
Не исчезай

Даша

Утром, как ни странно, вроде полегче. Сижу и сама на себя злюсь: ну что я вчера устроила? Убежала, плакала… Надо было сразу сказать им что-то жесткое, оборвать все на корню. Да черт, хотя бы просто вслух сказать, что это фигня полная – не бегать, как дура.

Только бы мама не спалила, что я вчера с уроков слилась… иначе – капец мне.

Ладно. Решаю, что надо увидеть, что там за фотки, понять вообще, что происходит. Ну реально: сидит же он и ищет в интернете каких-то полуголых девок, похожих на меня – разве это не диагноз?

Вчера не смогла себя заставить посмотреть, а сегодня – все, включаю режим боевого настроя. Захожу в чат. Листаю. И… внутри все обрывается.

На фотках – я.

Лица нет, но я знаю свое тело слишком хорошо, чтобы не узнать. Мои голубые кружевные трусы… новые, с мамой совсем недавно покупали. И на второй фотке – белые в сердечко… и эта родинка – вот же черт. Вся школа видела мои трусы.

В голове крутится лишь один вопрос: как?

Я же не совсем с катушек слетела, чтобы кому-то такие фотки слать. Никому я ничего не отправляла. Да и видно же – ракурс странный, снимали со спины.

Начинаю вглядываться в фон – и тут до меня доходит: это ж наша раздевалка. Это кто-то прямо там, пока я переодевалась на физре, фоткал. Спасибо, что хоть без лица. Да… Утешение прям. Вся школа теперь обсуждает мои трусы, делает мемы… пересылает всем подряд.

Лихорадочно перебираю в голове: когда? как? Я же всегда осторожна – переодеваемся с Маринкой либо до всех, либо после. И тут меня пробивает другая мысль – Маринка.

Она же вчера видела, как я в слезах убежала из школы… и не написала ни слова. Даже Кирилл написал – Кирилл, который просто друг моего брата и вообще на другом конце вселенной от меня… А она – молчит.

Смотрю на эти тупые фотки еще раз. Не хочу верить… но внутри уже что-то предательски скребет. Неужели она?.. Не может быть… но слезы сами катятся, и я уже не могу остановить их.

– Доча, ты встала? – слышу голос мамы из коридора. – Смотри, не опоздай!

Сижу с телефоном в руках, горло перехватывает. Как я сейчас пойду в школу? Сяду рядом с ней… и что? Я же с ней всем делилась. Абсолютно всем.

* * *

С трудом привожу себя в порядок, понимая, что сейчас нужно сделать вид, что все хорошо. На кухне хлопочет мама.

– Садись завтракать, – спокойно говорит она, не поднимая головы от кастрюли.

На столе ждет овсянка на воде и крепкий чай без сахара.

Сажусь и начинаю ковырять ложкой противную сопливую массу, залипая на то, как медленно тают и пускают бордовые водянистые следы замороженные ягоды. Хочется завыть. Когда завтрак делает Антон – все по-другому: кофе, яичница, какие-то глупые шутки… Даже в спешке с ним уютно. А сейчас – все не то.

Мама бросает подозрительный взгляд:

– Ты какая-то бледная сегодня…

– Все нормально, просто не выспалась, – отвечаю быстро и заставляю себя улыбнуться. «Главное – не спалиться».

Она рассеянно кивает:

– Сегодня задержусь.

Делаю пару глотков чая, оставляю большую часть каши недоеденной – она все равно не заметит. Ставлю тарелку возле раковины и бегу одеваться.

В комнате быстро собираюсь: джинсы, худи, волосы в хвост, рюкзак на плечо. Даже в зеркало не смотрю. Зачем? Знаю, что глаза красные, а лицо опухшее. Хорошо, что Антоши нет дома, он бы сразу все понял.

В прихожей натягиваю кожанку и выхожу. Спускаюсь по лестнице. Воздух за дверью прохладный – сентябрьский. Легкая дымка, пахнет листвой, чуть влажно. Уже чувствуется осень, но еще тепло. Во дворе все как обычно: кто-то спешит на работу, бабушки заняли места на скамейке.

У остановки толпятся люди. Я стою чуть в стороне, уставившись под ноги, и носком кроссовка ковыряю трещину в асфальте. Подъезжает мой автобус и с неприятным шипением открывает двери. От этого звука веет тоской. Протискиваюсь внутрь. Там тепло, пахнет чужими духами. Сажусь у окна, достаю телефон, но так и не решаюсь его разблокировать. Просто смотрю на улицу – деревья вдоль дороги еще зеленые, но желтые пятна уже проступают. В воздухе тянется паутина. Все куда-то спешат и никому нет до меня дела. И слава богу.

Через пару остановок садятся двое школьников из моей школы. Они хихикают, обсуждают кого-то. На секунду у меня внутри все сжимается – а вдруг меня? – но сразу отворачиваюсь к окну. Малые еще. Какое им дело до чьих-то трусов?

По дороге думаю: «Зачем я вообще туда иду? На что надеюсь? Что все само собой рассосется? Что никто не станет шептаться?»

Но ноги сами несут – потому что… а куда еще? Не могу же я прогуливать школу. Год только начался, выпускной класс, нужно готовиться к поступлению. Я бы вообще перевелась, но если мама узнает, что трусы ее дочери стали достоянием общественности, то убьет. Я такого наслушаюсь, про танцы точно можно будет забыть. Она даже слушать не станет, кто и в чем виноват.

Когда автобус тормозит у знакомого угла, в животе все переворачивается: школьный забор, толпа у входа, одноклассники, спешащие на уроки, кто-то машет друг другу, кто-то смеется.

Я делаю шаг из автобуса – вглубь этого обычного осеннего утра, словно все нормально, словно смогу со всем справиться. Только вот смогу ли?

* * *

Подхожу к школе – сердце колотится так, что, кажется, слышно всем вокруг. Телефон в кармане вибрирует. Достаю – сообщение от Маринки:

Марина:

Жду внизу. Ты же придешь?

Вздыхаю. Смотрю на экран и чувствую, как внутри все сжимается. В носу щиплет. Только не сейчас. Если расплачусь прямо здесь – все, конец. Надо держать лицо.

Пальцы дрожат, но набираю быстро:

Даша:

опаздываю
встретимся в классе

Отправляю и сразу убираю телефон в карман, будто боюсь, что он начнет кричать о том, как мне плохо.

Захожу в холл – сканирую пространство. Маринки нет, отлично. Куртку вешаю в гардероб и поворачиваю к лестнице. Идти наверх не хочется до тошноты. Ноги ватные.

Перед дверью в класс выдыхаю. Нормально. Все нормально. Просто урок.

Открываю – и сразу понимаю, что не нормально. Все поворачиваются. Не просто смотрят – пялятся. Улыбки кривые, кто-то свистит.

Мишка громко, чтобы все услышали:

– О, Евсеева пришла. Покажешь лайфхак, как фотки в трусах правильно делать?

По классу поползли смешки, но я смотрю только на Маринку. Права я или нет? Она сидит на нашей парте. И такая… довольная. Не в лоб, не злорадная – но я вижу это счастливое лицо. Смотрит как на представление.

В груди все сжимается. Хочется развернуться и уйти, но я заставляю себя сделать шаг вперед. Иду к нашей парте и демонстративно прохожу мимо нее. Останавливаюсь возле Толика. Он все еще лыбится, а я смотрю ему прямо в глаза, не позволяя себе дрогнуть.

– Пересядь.

Он дергается, замирая с открытым ртом.

– Чего? Ты че, Евсеева?

Я глубоко вдыхаю:

– Пересядь к Андреевой, пожалуйста.

Голос срывается, но мне все равно – главное стоять прямо. Макс, сидящий за ним, замечает, как дрожат мои руки, и подталкивает Толика локтем:

– Давай, Толян, двигай…

Толик кривится, но встает. Пересаживается, нарочно громко отодвигая стул так, чтобы ножки скребли по полу. Смех вокруг продолжается. Я не обращаю внимания и плюхаюсь за его парту.

Маринка все видит, но молчит. Поняла, что я догадалась.

Я выпрямляю спину. Принцип простой: если они ждут, что я расплачусь, – не дождутся.

Не уверена, что смогу, но попробую удержаться. Обещаю себе, что поплачу потом, когда буду одна.

* * *

Все вроде норм… ну, насколько это вообще может быть норм в моей ситуации. На шуточки вокруг просто не реагирую – делаю вид, что пофиг, спину держу ровно, голову не опускаю.

Но перед последним уроком что-то меняется: все шепчутся, тыкают друг другу в телефоны, переглядываются и, конечно, косо смотрят в мою сторону.

Я стараюсь не обращать внимания. Не лезу в общий чат – понятно же, там опять какой-то идиотский мем. Ну и черт с ним.

Но как всегда, находится «добрый» человек: просто кидает это видео мне в личку.

Руки дрожат, но я все-таки открываю…

Это я.

Не просто фотка – видео.

Снято исподтишка, в раздевалке после физры: я стою спиной, снимаю худи… потом джинсы… спина, волосы, часть лица… все видно.

А сверху – мерзкая надпись:

«ПОТАСКУШКА ЕВСЕЕВА: свежий слив. Лайк, подписка».

И эта отвратительная музыка, липкая, грязная… замедленные кадры, увеличения… В чате уже сотни лайков, комментов, ржущих смайликов.

Внутри все резко обрывается. К горлу мгновенно подступает тошнота, руки становятся ледяными, а в грудь словно с размаху вогнали что-то острое. Кое-как закинув свои вещи в рюкзак, я вылетаю из класса. Куда? Все равно. Просто бежать.

В итоге оказываюсь в туалете на третьем этаже. Захлопываю дверь кабинки и сползаю вниз. Больше не могу держаться. Слезы сами льются, дыхание сбивается – вообще нормально вдохнуть не получается. Я сжимаюсь в комок от собственного бессилия

Что я сделала, чтобы меня так унижали?

Слышу скрип двери и знакомый до боли голос:

– Даш… ты тут?.. Все ок?

Маринка. Ну конечно, кто же еще.

Я молчу, утыкаюсь коленями в грудь, ногти впиваются в джинсы. Она замерла возле двери, а потом несмело стучит:

– Даш… открой…

И тогда я, даже сама себя не узнавая, хрипло спрашиваю:

– Это ты? Ты все это скинула?

Повисает тяжелая пауза. А потом доносится очень тихое:

– Мот форвардил…[2] но снимала я…

Внутри все просто рушится.

– Зачем? – голос чужой, не мой. – Зачем ты так со мной?

Она мнется:

– Он попросил…

Я резко открываю дверь кабинки. Стою перед ней: глаза красные, лицо мокрое, губы трясутся, но мне плевать.

– Он тебе нравится… – говорю, даже не спрашивая.

Она отводит взгляд, но все же кивает:

– Нравится… давно…

---

[2] Форварди́л (сленг, от англ. forward) – пересылал, перенаправлял чужие сообщения, фотографии или файлы другим людям.

Я смотрю на нее – и внутри пусто. Не злость. Не боль. Пустота.

– И ты решила меня унизить?

– Я не думала, что так далеко зайдет… – слова сыпятся торопливо, взахлеб. – Честно… Думала – поржут и все… быстро забудут…

Голос сбивчивый, виноватый… но это не раскаяние. Нет. Это попытка выгородить себя.

Я делаю шаг вперед.

– Ты предала меня, Марин.

Она вжимает голову в плечи, шепчет:

– Даш… прости… пожалуйста… я… я не хотела…

– Не надо, – обрываю этот бессмысленный поток.

Всматриваюсь в ее лицо и понимаю – все. Дружбы больше нет.

Марина молча выходит из туалета, и только тогда я позволяю себе выдохнуть. И разрываюсь. Рыдания рвутся наружу так отчаянно, что мне кажется – я никогда не смогу остановиться. И я знаю, что плачу не из-за видео или фоток.

* * *

Последний урок я сижу в туалете. Умываюсь и, как только слышу звонок, вылетаю на улицу, на ходу застегивая кожанку. Голова тяжелая, глаза будто в песке, но внутри – только одна мысль: быстрее в студию.

Через двадцать минут я уже подхожу к знакомому зданию из старого красного кирпича. Второй этаж. Еще на лестничной площадке меня встречает родной запах: смесь нагретого паркета, пота, дезодорантов и резины. Глухой бас пробивает стены, вибрирует в подошвах и отдается в груди. Это как сигнал, что я дома.

Захожу, кидаю рюкзак к стене. На ходу сбрасываю кроссовки, поправляю волосы в хвосте. Быстро переодеваюсь в свободные серые штаны и растянутую оверсайз-футболку с обрезанным низом. Ткань, вытянутая на локтях, но я люблю ее за то, как она сидит – чуть закрывает бедра, но не мешает двигаться.

Зал просторный, прямоугольный и пока еще совершенно пустой. Солнечный свет из больших окон гасят плотные рулонные шторы, создавая идеальный полумрак. Вдоль одной стены тянутся зеркала в пол, а рядом с колонкой стоит наш хореограф. Он мельком смотрит, кивает. Все, можно.

Я не здороваюсь. Просто не хочу говорить. Здесь это нормально.

Встаю в центр. Трек с ломаным электронным синтом[3] буквально цепляется за кости. Начинаю качаться. Штаны чуть цепляют щиколотки, ткань футболки скользит по коже. Руки – вниз, потом вверх, шаг, разворот, выпад. Тело сначала спотыкается о мысли, но потом вспоминает, что делать. С каждым движением будто стряхиваю с себя все. Бедра, плечи, лопатки – все работает в унисон.

Закрываю глаза – и слышу, как кто-то кидает мне вслед: «Зачетная попка, Евсеева». И тут же ударяю ступней по полу, делаю резкий поворот. Вскидываю руки, увожу корпус вниз. Кувырок через плечо, толчок, выход в паузу. Грудная клетка рвется изнутри.

Мне ведь не нужен Матвей. Забирайте. С руками и всей этой его «харизмой». Только отстаньте. Почему они не могут просто оставить меня в покое? Почему я должна быть жертвой самолюбия какого-то придурка?

Поворот. Присед. Выход в волну – мягко, потом резко. Это единственное место, где меня никто не дернет, не прижмет, не ткнет пальцем. Здесь нет «потаскушки Евсеевой», нет «мелкой сестры».

---

[3] Синт (разг. сленг) – синтезатор; здесь: искусственный, резкий электронный звук.

Здесь я – просто я.

Но в голову все равно лезет: если мама узнает – конец. Даже слушать не станет. Скажет: «Сама виновата». И все – танцы сразу под запрет. Она ведь только и ждет повода, чтобы заставить меня бросить студию и сосредоточиться на поступлении. Хватит одного школьного скандала.

Антон… Он сорвется, пойдет разбираться, и меня закроют дома. Он же не поймет, что, если полезет, все станет в сто раз хуже. Он добрый. Будет яростно меня защищать. А мне этого не надо.

Слезы щиплют глаза, пот на висках, дыхание сбивается, но я делаю шаг, захлест ногой, амплитудное движение плечом, увожу руки вверх. Потому что только сейчас дышу по-настоящему.

В финале делаю выпад на колено, руки ставлю щитом и замираю. Тихий бит умирает в колонке и остается только мое частое, сбивчивое дыхание. Смотрю в зеркало. Волосы выбились из хвоста, щеки горят, глаза блестят, но не от слез.

Я здесь. Я не сдалась.

*** * ***

Выхожу из студии. На улице уже темно, асфальт блестит от сырости, пахнет табачным дымом. Напротив, у бордюра, стоит старая «мазда тройка». Красная, вся в царапинах и с позорным недокрашенным крылом, которое Антон обещал «подмазать» еще в июне. Ага. Подмазал. Но внутри сразу становится теплее. Он же даже не звонил. Просто приехал. Стоит и ждет.

Открываю дверь и без сил падаю на пассажирское.

– Ну че, Мелкая, по бургеру? – кидает он вместо «привет». Тон бодрый, как будто предлагает не поехать пожрать фастфуд, а сообщает, что я выиграла в лотерею.

Я качаю головой.

– Не хочу.

Он бросает на меня быстрый взгляд.

– А ты разве там, на своих танцах, не выжгла калорий на неделю вперед? Или в школьной столовке объелась?

Сжимаюсь. Столовка, ага. Представляю, каково бы это было. Все равно что заявиться туда с табличкой на груди: «Вот та самая потаскушка из видоса». Примерно так бы меня там встречали. От этих мыслей позвоночник сковывает холодом. Но Антон, кажется, не замечает, как я на секунду замолкаю.

– Я… просто не голодная, – выдавливаю, чтобы не спалиться.

Антон фыркает, заводит мотор.

– А я жрать хочу. А готовить влом.

– А мама?

– У нее же сутки. Завтра будет отсыпаться, а в субботу подменяет кого-то.

– Ладно, поехали, – выдыхаю и утыкаюсь лбом в холодное стекло. – Колы попью.

Кирилл

Сижу на бордюре, возле ноги – собака. Сразу видно, не бродячая. Гладкая, упитанная. Ошейник есть, но никакого адресника. Только старый карабин, как будто поводок сорвали.

Пес – вроде девочка, но не факт – прижимается ко мне и дышит тяжело, в такт моему сердцу. Глажу ее между ушами. Она вздрагивает, потом замирает. Кто-то потерял. Или… Нет, не думаю. Не хочу думать. В животе что-то тянет. Чувство, которое я обычно душу на корню, но сейчас оно выходит наружу. Как будто мы с ней на одной волне.

И тут – ГАВ! Звонкий, уверенный. Как будто сказала: я тут вообще-то.

Я вздрагиваю, чуть не роняю телефон, который все еще держу в руке.

– У тебя там что? – в трубке удивленный голос Тохи. – Собака?

– Ну да, – бурчу. – С ушами и глазами.

– С ума ты, походу, сошел. Где ты ее нашел?

– Да черт знает. Это она меня нашла. Ошейник есть, хозяина нет. Сижу, грею.

Пауза.

– Слушай, Волчара, ты там норм? Ничего не случилось? А то давай подлетай к нам. Мы тут с малой в бургерной.

Я молчу. Глажу собаку. Смотрю, как двигаются ее ребра. И вдруг в голове картинка: Мелкая на лавке, капюшон натянут, плечи дергаются. Рассказала? Или ходит с этим одна? И вообще… все ли она рассказала?

– Эй, ты завис? – голос Антона возвращает в реальность.

– Да нет. Просто думаю.

– О чем?

– О том, что ты мне надоел.

– Ну спасибо. Очень человечно. Слушай, я че звоню. Проект. Помнишь вообще, что мы его вдвоем делаем?

– Да помню я, диванщик. Не ной.

– Ну так давай допилим вводку и расчеты. На пары подгонишь или завтра на сервисе?

– На сервисе. Тормоз обещал тачку пригнать – у него сцепление опять сдохло.

– Ладно, Волк. Тормозу – привет. Удачи с собакой.

– Ага.

Он сбрасывает. Убираю телефон обратно в карман. Собака снова прижимается ко мне. Я смотрю на нее, а она – на меня.

– Ну что, Рыжая, – шепчу. – Походу, ты теперь без дома.

*** * ***

Оставляю сковородку с недоеденной картошкой на плите, прислоняюсь к косяку и смотрю в темноту за окном. Там где-то осталась Рыжая – не собака, а сгусток неожиданного доверия.

Выдыхаю, иду к себе, закрываю дверь. Замком щелкаю чисто из привычки. Не то чтобы мне сейчас угрожала толпа желающих вторгнуться в мое личное пространство.

Сажусь на матрас, вытягиваю ноги. Спина скользит по холодной стене. Достаю телефон и смотрю на диалог. С ней.

Пальцы зависают над клавиатурой. Уже не в первый раз. Весь день думаю, что нужно что-то написать, а потом останавливаю себя. Кто я ей? Никто. Просто «друг брата». Знакомый, который иногда зависает на их кухне и ворует кофе из ее кружки.

Но что-то в груди ноет. Как будто мне не все равно. Не могу выбросить из головы, как она сидела в сквере, а я просто уехал.

Открываю диалог. Если скажет «не пиши» – я отстану. Уходить – я в этом профессионал.

Набираю.

Кирилл:

эй
не злись,
просто проверяю – ты как?

Отправил. И сразу захотел удалить. Поздно. Появляется «печатает…».

Даша:

ты опять пишешь

Уголки губ дергаются сами собой.

Кирилл:

угу
я стабильный

Даша:

тебе не кажется это странным?

Вопрос по делу. Я знал, что он будет, но не хочу отвечать.

Кирилл:

что именно?

Пауза. Вижу, что набирает – стирает. Потом снова.
Даша:

ну, что ты мне вообще пишешь

Чешу затылок. Взгляд скользит по потолку. Где-то в голове звучит голос Тохи: «Ты че, совсем обнаглел?»

Кирилл:

??

Даша:

не знаю
это как-то…

Кирилл:

почему?

Снова пауза. Я жду.

Даша:

потому что ты друг моего брата

Закрываю глаза. Логично. По-хорошему, я вообще должен был сначала Тохе рассказать все – и про то, как она плакала, и про то, что ее достает бывший. Он бы с этим разобрался. Грубо и жестко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.